

ОГОНОКЪ

Иллюстрированное Обзорѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
въ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 30

Пятница, 3 (16) августа 1901 г.

№ 30



Психея. — Съ картины Э. Режъ.

Современная Испанія.

Испанская конституція берет свое начало изъ очень далекаго времени: кортесы гораздо старше англійскаго парламента, и раньше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ европейскомъ государствѣ, въ Испаніи народилось и окрѣпло народное представительство. Можно съ увѣренностью сказать, что прообразомъ и источникомъ конституціи въ томъ смыслѣ, какъ мы привыкли теперь ее понимать, были еще учрежденія, созданныя готами—синоды и совѣты. Но несмотря на то, что политическое міровоззрѣніе испанцевъ давно сроднилось съ конституціонными формами государственной жизни, что выборные народа должны бы, казалось, являться тѣмъ именно „гласомъ народнымъ“, который немолчно твердитъ о нуждахъ, о благѣ населенія, и силой общественного мнѣнія осуществляетъ одну благодѣтельную для него реформу за другой,—несмотря на все это, говоря мы, кортесы являются скорѣе пародіей на парламентъ, чѣмъ истиннымъ собраніемъ ревнителей народныхъ интересовъ. Случайному слушателю покажется, что испанскіе депутаты надѣлены въ огромномъ большинствѣ выдающимися политическими талантами. Такъ убѣдительно, блестяще ихъ рѣчи, такъ искренне ихъ негодованіе и свѣтлы идеалы, къ которымъ они, по видимому, стремятся. При ближайшемъ, однако, знакомствѣ съ представителями кортесовъ оказывается, что ихъ краснорѣчіе направлено либо на принципиальные вопросы, слишкомъ общіе, чтобы разрѣшеніе ихъ могло бы принести какую-нибудь реальную пользу, либо на мелочи, чрезчуръ ничтожныя, чтобы, даже въ совокупности, повести къ полезнымъ для народа мѣрамъ. Самыя пренія носятъ скорѣе теоретическій характеръ, такъ какъ большинство почти всегда на сторонѣ правительства и правительственные начинанія очень рѣдко остаются непроведенными. „Политика обратилась въ ремесло, способствующее къ достиженію высокихъ должностей“—такъ справедливо замѣчаетъ Густавъ Дирке въ своей новой книгѣ объ Испаніи. Мѣста административныя и судебныя замѣщаются не тѣми, кто специализировался въ данной отрасли и дополнилъ свои знанія опытомъ, а тѣми, кто принадлежитъ къ правительствующей партіи и состоитъ въ милости у власть имущихъ. Несмѣняемость чиновниковъ—понятіе, совершенно чуждое испанской государственной жизни. Напротивъ, чиновникъ въ Испаніи каждую минуту сознаетъ, что занимаемое имъ положеніе лишь временное, что завтра оно достанется другому—стоитъ только смѣниться у кормила правленія либераламъ—консерваторами, или наоборотъ. Такимъ образомъ, должностъ—не ступень въ прогрессивномъ движеніи по бюрократической лѣстницѣ, а только счастливый моментъ, улыбка благосклонной фортуны—надо ловить ее и пользоваться безъ страха за будущее, которое все равно не застанетъ чиновника на томъ же посту, и безъ зазрѣнія совѣсти, не емущаемой примѣрами предшественниковъ. Отсюда безграничное корыстолюбіе должностныхъ лицъ, въ которыхъ жажда наживы обратилась пропорціональна прочности и продолжительности ихъ „кормленія“. Съ другой стороны, человѣку, поставившему своей цѣлью достиженіе „степеней извѣстныхъ“, нѣтъ иного пути, какъ парламентаризмъ, словопреніе въ кортесахъ и въ политическихъ клубахъ, въ рядахъ той партіи, которая сегодня не у дѣль и на скамьяхъ оппозиціи, а завтра смѣнитъ правительство, и само будетъ защищать „основы конституціи“... какъ она ихъ понимаетъ, конечно.

Чтобы стать депутатомъ, надо завоевать симпатіи избирателей своего окру-

га, но еще надежнѣе—заручиться поддержкой въ министерствахъ. Последнее—самое трудное въ виду многочисленности жаждущихъ проникнуть въ кортесы, но разъ оно достигнуто и извѣстное лицо обезпечено министерской протекціей, исходитъ выборовъ, хотя они и обставлены всѣми гарантіями конституціи, не представляется сомнительнымъ. Такая система, пустившая, кстати сказать, глубокіе корни, ведетъ къ самымъ печальнымъ для страны явленіямъ. Нерѣдко цѣлыя партіи покидаютъ кортесы, не желая бороться съ мельницами, тратить запасъ душевной энергіи на борьбу съ непобѣдимымъ правительствомъ; самыя основы конституціи и парламентаризма глубоко потрясены произволомъ; народъ, утратившій вѣру и уваженіе къ слову своихъ представителей, безучастенъ къ выборамъ ихъ, или настолько интересуется ими, насколько это затрагиваетъ его насущные, матеріальные интересы. Наряду съ этимъ въ населеніи назрѣваетъ глубокое недовольство существующимъ порядкомъ вещей, и всякій поводъ къ протесту и возстанію считается удобнымъ. Революціонные зародки находятъ богатую почву въ этомъ озлобленномъ настроеніи угнетеннаго народа. Карлизмъ, поддерживаемый ультрамонтанами и іезуитами, снова растетъ, и либераламъ, когда бы они добились власти правительственной, съ большимъ бы трудомъ удалось обуздать непокорное честолюбіе и человѣконенавистничество іезуитовъ. Наиболѣе ожесточеннымъ и несчастнымъ является крестьянское населеніе. На немъ невыносимымъ гнетомъ лежитъ главная тяжесть податей. Экономическое состояніе страны столь плачевно, что этому коренному элементу приходится не въ мочь. Чтобы оставаться честнымъ, работающимъ селяниномъ, надо сперва разрѣшить удовлетворительно такую задачу: если всѣ доходы земледѣльца уходятъ цѣликомъ на покрытие претензіи казны, въ разныхъ формахъ—обычныхъ и чрезвычайныхъ, то какъ поддерживать хозяйство, при этомъ постоянномъ убываніи хозяйственныхъ средствъ? И такъ какъ немногимъ удавалось придти къ удовлетворительному разрѣшенію подобной дилеммы, то число нищихъ растетъ въ Испаніи быстрѣе, нежели весенніе злаки, освѣженные первыми весенними дождями. Все это плоды корыстной, себялюбивой системы высшихъ властей. Но ихъ примѣру слѣдуютъ, конечно, и низшіе. Разъ должностъ не обезпечена долгие, какъ на мигъ, ею надо воспользоваться не только для себя, но и для родственниковъ, свойственниковъ и кумовей. Къ печальной картинѣ надо прибавить еще нѣсколько темныхъ красокъ: фаворитизмъ и послабленіе „родному человѣчку“—преобладающее теченіе въ правительственномъ строѣ, къ коему приспособляются справедливыя требованія населенія. Съ другой стороны, правительство, ставшее у источника власти благодаря поддержкѣ своей партіи, облаканный щедрыми обѣщаніями, считаетъ, конечно, священнымъ долгомъ *caballero* заполнить всѣ существующія синекуры своими присными, а для оставшихся обдѣленными—создать новыя. Но будь то синекура, или нѣтъ, ей представителю нужно пропитать себя и своихъ. И бюрократическая гидра выставляетъ на Божій свѣтъ все новыя головы, которыя съ восторгомъ и вожделѣніемъ смотрятъ на обездоленную поля бѣдной страны. До сихъ поръ еще ни разу не были предприняты рѣшительныя мѣры, которыя бы сократили штаты чиновниковъ, и едва-ли это возможно, пока будетъ царствовать въ Испаніи парламентаризмъ—не цѣль, а средство, не призваніе, а ремесло. Съ каждымъ годомъ растутъ государственныя долги, падаетъ кредитъ, безнадежнѣе становит-

ся стремленіе народа къ благосостоянію, и многочисленнѣе войска... нищихъ. Надо замѣтить, что испанскій крестьянинъ очень не притязателенъ; но при всемъ томъ и ему не подѣ силу бороться съ вѣчной нуждой. Земли переходятъ, одна за другой, въ казну, а теперь, въ инъ провинціяхъ, половина полей, еще недавно обрабатываемыхъ, остается невоздѣланной, вслѣдствіе полнаго отсутствія рабочихъ рукъ. Не многимъ лучше и положеніе промышленниковъ, т. е. именно тѣхъ, которые работаютъ съ маленькими капиталами. И ихъ гнететъ и тянетъ къ землѣ непомерная тяжесть законныхъ и незаконныхъ поборовъ. Помимо требованій правительства, имъ, какъ и рабочему классу, приходится удовлетворять аппетиты католическаго духовенства, и за крещенія, погребенія, панихиды отдавать послѣдніе кровные гроши.

Впрочемъ, матеріальныя невзгоды, причиняемыя духовенствомъ населенію, еще не такъ значительны, какъ нравственныя. Сколько ни было сдѣлано попытокъ парализовать могущество духовенства, какъ ни энергично дѣйствовали въ этомъ направленіи либералы истекшаго столѣтія,—ростетъ и крѣпнетъ эта вѣковая сила, и на пепелищѣ сожженныхъ возмущавшимся народомъ монастырей, вырастаютъ новыя, и тамъ, гдѣ сегодня торчатъ одни пни, завтра зазеленѣетъ густой лѣсокъ изъ крѣпкихъ, молодыхъ дубковъ. Въ былое время испанское духовенство свято выполняло завѣты инквизиціи, и настойчиво истребляло всѣ корни ученія, стараясь, чтобы ни одинъ лучъ знанія не проникъ въ невѣжественную массу. Эта система, какъ устарѣлая, ничѣ оставлена. Ей на смѣну принята другая, — прямопротивоположная, но не менѣе дѣйствительная. Дѣло народнаго образованія теперь почти всецѣло сосредоточено въ рукахъ духовенства. Надо отдать ему справедливость— оно поставлено на широкую ногу, и въ смыслѣ матеріальномъ, и въ смыслѣ подбора преподавателей. Но излишне говорить, что воспитанники іезуитскихъ школъ могутъ вынести изъ ученія лишь тѣ же завѣты костности и фанатизма, которые проповѣдывала и инквизиція. Наряду съ богато обставленными школами духовенства, прозябаютъ правительственныя. Прозябаютъ потому, что жалкихъ грошей, ассигнуемыхъ на ихъ содержаніе общинами, не хватаетъ даже на нищенское содержаніе учителей. Не только это званіе пріобрѣло значеніе чего-то обиженнаго, голоднаго, но даже тѣ бѣдняки, которыхъ соблазнила перспектива обучать народъ и которые пошли на болѣе чѣмъ скромныя условія, и тѣ не могутъ добиться аккуратной полудки заслуженнаго тяжкимъ трудомъ: по цѣлымъ мѣсяцамъ, если не годамъ, должна имъ община, у которой есть и другія дорого стоящія статьи расхода, — напримеръ, устройство церковныхъ представлений съ быками. Конечно, при такихъ условіяхъ борьба не равна, и духовенство легко побѣждаетъ. Оно, должно быть, очень сильно, если, не задумываясь, вступаетъ въ борьбу съ римской куріей, и, вопреки неоднократнымъ увѣщаніямъ папы, поддерживаетъ карлизмъ. Ни поражение испанцевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, ни бѣдствія, насланные на Испанію природой—ничто не смягчитъ суровыхъ сердецъ іезуитовъ, не вселитъ въ нихъ жалости къ истощенному, измученному населенію. Напротивъ, эти испытанія толкуются ими, какъ наказанія, низвергаемыя свыше на непокорныхъ, нечестивыхъ испанцевъ, терпящихъ либеральныя теченія въ ущербъ истинной религіи и покаяющимся проповѣди „дьявольскихъ наперсниковъ“—массоновъ. Консервативное правительство, которое видитъ въ клерика-

дахъ прочную гарантію своей долговѣчности, конечно, было связано тѣмъ самымъ въ борьбѣ съ іезуитизмомъ, и только въ самое послѣднее время терпѣніе народа истощилось, и взрывъ ненависти къ монахамъ пронесся по всей странѣ, словно смерчъ, возбуждая всюду давно накупившую злобу. Паденіе министерства, 12 февраля 1901 г., быть можетъ, положило начало новому направленію испанской, политической жизни, которая поведетъ если не къ возрожденію Испаніи, то хотя бы къ поднятію ея культурнаго уровня—первоисточника благоденствія каждой страны.



Жизнь одной леди.

Еще не затихли толки о пресловутой принцессѣ Шимѣ, какъ снова уже работаютъ изо всѣхъ силъ телеграфныя проволоки между Нью-Йоркомъ и Санъ-Франциско. Америка взволнована громкимъ скандаломъ, героиней котораго является леди Гоппъ, супруга лорда Френсиса Гоппа, будущаго герцога Ньюкастель. По рожденію американка, дочь портного, изъ Ватлема въ Пенсильваніи, она, конечно, не унаследовала отцовскихъ милліоновъ, такъ какъ портной ихъ не успѣлъ нажить. Зато она обладала вышностью, которая слишкомъ рано стала возбуждать восторгъ и зависть. Одинъ изъ поклонниковъ ея красоты сжалился надъ бѣдной дѣвушкой, прозябавшей въ глухой провинціи; такъ какъ эта дѣвушка обладала порядочнымъ голоскомъ, то восемнадцати, лѣтъ съ помощью великодушнаго мецената, она поступила въ нью-йоркскую консерваторію, чтобы затѣмъ завершить свое музыкальное образованіе въ Лондонѣ. Ея артистическія способности были не слишкомъ велики; однако, по возвращеніи на родину, она выступила на сценѣ и встрѣтила восторженный пріемъ. Мей Гокъ,—такъ звали ее,—не могла бы прослыть блестящей красавицей, но на ея стройной и высокой фигурѣ красиво лежало то не слишкомъ обременительное платье, что прикрывало ея классическія формы, на роскошныхъ плечахъ была изящно посажена головка, которая могла очаровать хоть кого: эта головка глядѣла на всѣхъ такими глазами, что заставляла охотно забыть нѣсколько большой чувственный ротъ и слишкомъ выдающіяся скулы. Глаза плясали и смѣялись; раззадоренная ихъ блестящею аудиторіей покатывалась со смѣху; глаза умѣли смотрѣть кокетливо, страстно и проникательно; по крайней мѣрѣ, таково было ихъ выраженіе тогда, когда дочь портного ужинала съ милліонерами. Мей быстро достигла извѣстности и скоро стала звѣздой—„star“ въ Чикаго. Она сдѣлалась царицей моднаго міра въ столицѣ Запада. Вокругъ нея въ бѣшенномъ пляскѣ кружились старъ и младъ,—все, что только могло расходовать крупныя суммы; танцоры платили за эту пляску честью, здоровьемъ и состояніемъ. Другіе уставляли, одна Мей была неутомима и ненасытна. Казалось, ея красота черпала въ этомъ безумномъ водоворотѣ живую воду и все цвѣла... Нашлись любители своеобразной статистики, которые вычислили, что черезъ маленькія ручки Мей-Гокъ прошло столько золота и брилліантовъ, сколько не проходило черезъ кассу любой американской милліонерши. Правда и то, что ни одна женщина не сумѣла бы такъ тратить эти сокровища, какъ Мей: не было такой прихоти, или вѣрнѣе безумія, которая бы осталась неудовлетворенной; не было цѣны, которая бы показалась высокой. Мей не знала страсти къ наживѣ. Во время ея гастролей въ Австраліи, одинъ изъ мѣстныхъ крезовъ предложилъ ей руку свою, серд-

це и всегда открытый карманъ; она только засмѣялась въ отвѣтъ. Въ 1893 году эта неотразимая сирена появилась на лондонскомъ горизонтѣ, подъ скромнымъ титуломъ „маленькой Христорфъ 10“. Скоро ей присвоили кличку „ерихонской трубы“, такъ какъ она любила пѣть на низкихъ нотахъ. Но тѣмъ не менѣе число ея поклонниковъ въ старой Британіи было такъ же велико, какъ и въ молодой Америкѣ. Еще сегодня она носитъ на шеѣ ожерелья изъ жемчуга непомѣрной величины, которое она получила въ подарокъ отъ одного раджи. Среди ея поклонниковъ былъ лордъ Френсисъ Гоппъ. Ему то и судьба опредѣлила стать мужемъ талантливой артистки. Мей Гокъ впоследствии рассказывала своимъ нью-йоркскимъ товаркамъ, почему она вышла замужъ за англичанина: ей это показалось уморительно забавной продѣлкой; помирая со смѣху, она представляла себѣ, какъ ее, любимицу всего веселящагося свѣта, будутъ величать „леди“. Семья лорда Гоппъ посмотрѣла, однако, на этотъ бракъ съ болѣе серьезной точки зрѣнія, пыталась ему воспрепятствовать, но въ концѣ-концовъ, герцогиня Ньюкастель, матери лорда Гоппъ, пришлось примириться со своей невѣсткой и принять ее въ родовомъ замкѣ, гдѣ неподражаемая „звѣзда“ должна была привѣтствовать и престарѣлаго герцога, главу рода, и старшаго брата ея мужа, безнадежно больного человѣка. Молодожены не располагали большими средствами, имъ приходилось вести довольно скромный образъ жизни. Мей, конечно, тосковала по тому безумному веселью, въ вихрѣ котораго она еще такъ недавно кружилась. Ей удалось убѣдить своего супруга предпринять путешествіе черезъ океанъ, къ берегамъ милой ей родины. Едва она очутилась въ Нью-Йоркѣ, къ ней снова вернулась прежняя неудержимая рѣвность, и она объявила лорду Гоппъ, что не прочь была бы возвратиться на театральные подмостки. Леди Гоппъ не отличалась чванствомъ: какъ и въ былые дни, она потоварищески встрѣчалась съ артистками и артистами, но выдерживала въ своей передней по цѣлымъ часамъ тѣхъ театральныхъ директоровъ, у которыхъ она въ молодости сама обивала пороги, и которые теперь, въ свою очередь, осаждали ее приглашеніями. Въ родномъ городѣ Бетлемѣ она появилась, какъ легендарная принцесса, вся въ шелкахъ и въ цвѣтахъ, щедро осыпая милостями своихъ бѣдныхъ родственниковъ. Словомъ, все происходило, какъ въ волшебной сказкѣ. Однако, супругъ не раздѣлялъ жизнерадостнаго настроенія своей порхающей супруги: впрочемъ, онъ ничего не могъ сдѣлать для того, чтобы помѣшать леди Гоппъ выступить передъ нью-йоркской публикой, которая при первомъ же дебютѣ отнеслась къ ней съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Надо думать, что это восхищеніе было вызвано не столько искусствомъ Мей, сколько ея громкимъ именемъ и блескомъ знаменитыхъ фамильныхъ брилліантовъ. Разногласіе между супругами достигло, наконецъ, такихъ размѣровъ, что престарѣлый герцогъ Ньюкастель принужденъ былъ переицѣлить океанъ, чтобы серьезно побесѣдовать съ сыномъ и невѣсткой. Стремясь уладить семейную передерягу, герцогъ предложилъ совместную поѣздку по Южной Америкѣ, но Мей дышалось легко только въ излобленныхъ ею сѣверныхъ городахъ, и оба англичанина отправились путешествовать одни. По возвращеніи предполагалось опять-таки вмѣстѣ выѣхать въ Англію, но и тутъ леди Гоппъ нашла причину, чтобы отстать отъ своего супруга. Когда пароходъ, увозившій его, скрылся, леди Гоппъ поставила крестъ надъ своей семейной жизнью, и сдѣлалась прежней Мей Гокъ со всѣми ея своеобразными привычками и безумны-

ми прихотями. Телеграмма изъ Лондона возвѣстила ей о предстоящемъ прибытіи благороднаго лорда, которому, наконецъ, прискулило ожиданіе въ Лондонѣ. Френсисъ Гоппъ сошелъ на американскій берегъ, какъ разъ въ то время Мей Гоппъ ужинала въ кругу артистовъ и артистокъ въ одномъ изъ нью-йоркскихъ ресторановъ. Огорченный лордъ простился навсегда съ негостепримной для него страной, а Мей Гокъ отправилась въ артистическое турнѣ. Къ этому времени ей пришлось встрѣтиться съ лицомъ, которое должно было сыграть рѣшающую роль въ ея жизни. Капитанъ Стронгъ былъ сыномъ прежняго городского головы Нью-Йорка. Отецъ его обанкрутился и завѣщаль своимъ дѣтямъ солидные долги. Такимъ образомъ, къ двадцати шести годамъ молодой человѣкъ былъ, какъ говорится, „безъ опредѣленныхъ занятій“. Случайная поддержка друзей его покойнаго отца дала ему возможность приобрести патентъ на чинъ капитана регулярной арміи. Воспользовавшись отпускомъ, вновь испеченный капитанъ пріѣзжаетъ изъ Санъ-Франциско въ Нью-Йоркъ и, познакомившись съ очаровательной пѣвицей, становится однимъ изъ непремѣнныхъ членовъ ея свиты. Когда отпускъ капитана истекъ, Мей Гокъ послѣдовала за нимъ къ мѣсту его служенія; они поселились тамъ въ одной гостиницѣ къ величайшему соблазну горожанъ, хорошо знавшихъ и капитана, и его подругу. Извѣстный англійскій писатель Киплингъ утверждаетъ, что есть такія мѣстности, гдѣ „воздухъ напоенъ безстыдствомъ“. Молодая пара вполне подтвердила своимъ поведеніемъ этотъ взглядъ англійскаго писателя. Ихъ образъ жизни былъ таковъ, что хозяину гостиницы пришлось отказаться отъ удовольствія считать ихъ своими жильцами. Подобный же пріемъ встрѣтила леди Гоппъ и ея капитанъ въ другихъ отеляхъ Санъ-Франциско. Наконецъ, въ полскахъ за такимъ жилищемъ, гдѣ бы разнузданное веселіе подходило къ обстановкѣ и вызывало бы только сочувственныя улыбки, авантюристы попали въ одинъ изъ тѣхъ веселыхъ притоновъ, гдѣ ни въ какомъ случаѣ не подобало находиться женѣ англійскаго лорда и офицеру американскаго войска. Газеты, конечно, подхватили такую пикантную тему, и капитанъ былъ принужденъ по телеграфу испросить у военнаго министра своей отставки. Затѣмъ, пребываніе въ Санъ-Франциско стало невозможнымъ, и веселая парочка собирается отплыть въ Японию. Ни Мей Гоппъ, ни капитанъ, не могутъ похвастаться капиталами; зато у леди Гоппъ имѣются брилліанты, которые и обезпечатъ имъ существованіе, по крайней мѣрѣ, на первое время.

Нью-Йоркъ,
въ июль.

S. M.



ПРЕМИЯ ЗА ОТЫСКАНИЕ АНДРЭ.

Отправляясь въ свое рискованное путешествіе въ 1898 году, мечта достигнуть сѣвернаго полюса, Андрэ назначилъ крайнимъ срокомъ возвращенія—іюль 1901 г. Этотъ срокъ теперь истекъ. Уже давно мы утратили всякую надежду услышать радостную вѣсть о томъ, что Андрэ живъ. Онъ исчезъ, и тѣ незначительные слѣды, которые возможно было найти, дали основаніе думать, что такая вѣсть уже немислима. Но все-таки, надо ли, дѣйствительно, отказаться отъ всякой надежды? Какое бы огромное впечатлѣніе произвело неожиданное возвращеніе Андрэ. Въ цѣляхъ скорѣйшаго отысканія слѣдовъ исчезнувшей экспедиціи, шведское правительство нынѣ объявило цѣлый рядъ премій за нахожденіе какихъ-либо остатковъ того шара, на ко-



Новые образцы автомобильных экипажей.

Двухместный автомобиль для прогулок.

тором полетѣль Андре: за каждый буй обѣщано около пятисотъ рублей и по двѣсти кронъ за всякій другой предметъ. Эти преміи сохранять свою силу до 1905 года. Всѣ находки будутъ немедленно препровождены въ географическое общество въ Стокгольмъ.

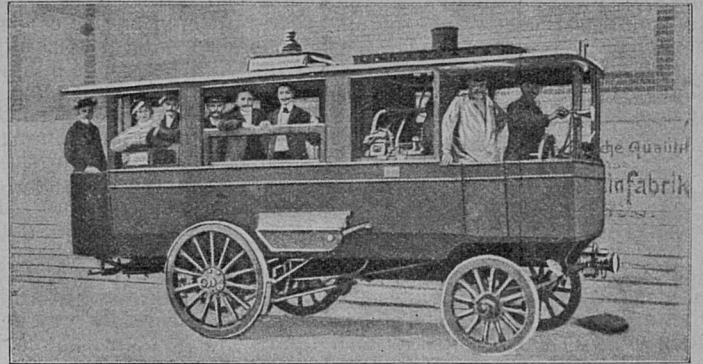


столицами (1,563 километра) въ семь дней, при десятичасовой ѣздѣ въ день. Три машиниста, прѣѣхавшіе на автомобиль, глядѣли молодцами; экипажъ оказался въ совершенной исправности. Автомобильные омнибусы особенно пригодны для городского сообщения: вмѣщая шестнадцать человѣкъ, они развиваютъ скорость до двадцати пяти километровъ въ

Автомобильный омнибусъ.

Нѣсколько дней тому назадъ одна изъ парижскихъ фирмъ для опыта отравила

часть. Въ нашемъ отечествѣ, гдѣ желѣзныя дороги еще не многочисленны и доступъ во многіе уголки провинціи возможенъ лишь при помощи допотопныхъ колымагъ,—такіе автомобильные омнибусы болѣе чѣмъ полезны,—они необходимы. Правда, не всегда хороши у насъ шоссейныя дороги, но, во всякомъ случаѣ, легче



Новые образцы автомобильныхъ экипажей.

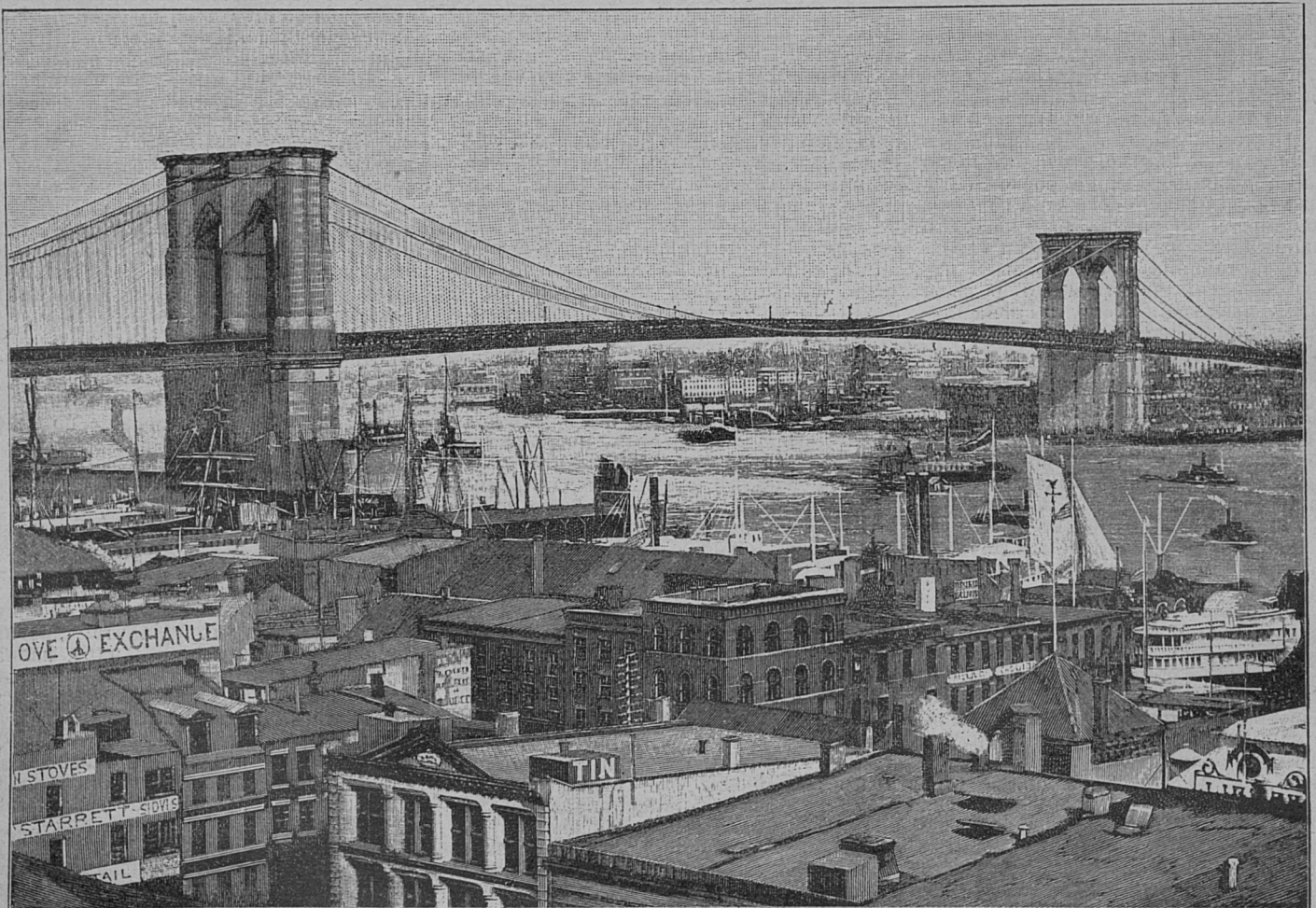
Омнибусъ.

исправить шоссе, нежели дожидаться проведена желѣзнодорожной вѣтви.

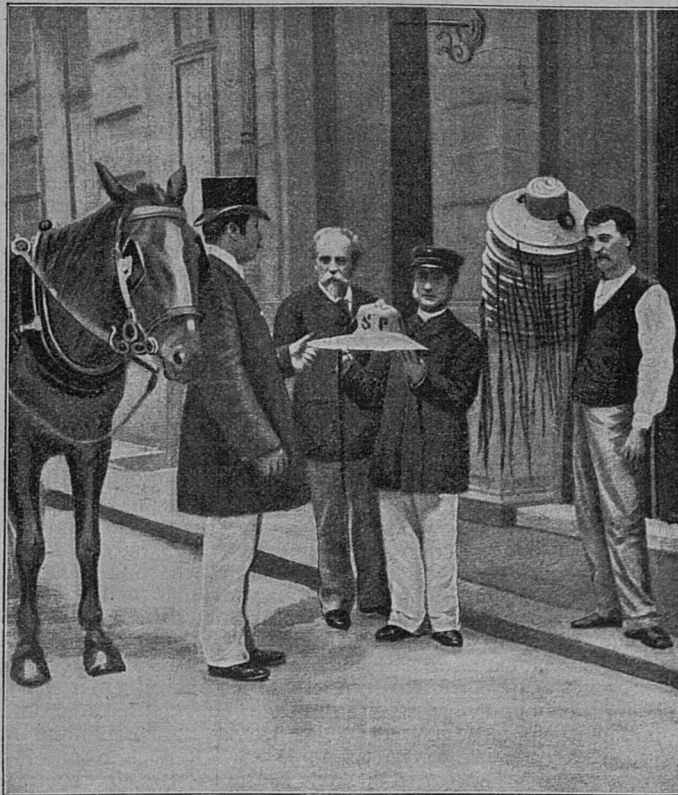


Раздача шляпъ лошадямъ.

Сильныя жары, которыми отмѣчено нынѣшнее лѣто, отражаются, конечно, на здоровьи людей, но гораздо больше на животныхъ, ничѣмъ не защищенныхъ отъ палящихъ солнечныхъ лучей. Инициатива парижскаго общества покрови-



Висячій мостъ между Нью-Йоркомъ и Бруклиномъ, опустившійся на 6 дюймовъ вслѣдствіе того, что 12 желѣзныхъ канатовъ у него лопнули 12 іюля с. г.



Бесплатная раздача шляп для лошадей въ парижскомъ обществѣ покровительства животнымъ.

тельства животнымъ, заслуживаетъ и одобрения и подражанія. Наши столицы могли бы воспользоваться примѣромъ Парижа и бесплатной раздачей шляпъ предохранить множество лошадей отъ болѣзни и смерти, а хозяевъ ихъ отъ безпомощнаго положенія „безлошадниковъ“.



Праздничная шляпа.

Зрѣніе въ морской глубинѣ.

Животныя материковыя въ большинствѣ нуждаются въ свѣтѣ какъ въ одномъ изъ необходимыхъ жизненныхъ элементовъ. Воздухъ отличается проводимостью солнечныхъ лучей на огромномъ пространствѣ, и, такимъ образомъ, каждое живое существо



Шляпа для ломовика.

метровъ половина всѣхъ красныхъ и одна треть оранжево-желтыхъ лучей меркнетъ. Кому приходилось посѣтить знаменитый гротъ Капри, тотъ, конечно, наблюдалъ, какъ съ морского дна подымается сіяніе зеленовато-синяго свѣта. На глубинѣ ста метровъ бѣлый цвѣтъ исчезаетъ. Точно также и съ другого конца солнечнаго спектра одна за другою пропадаютъ полосы радуги, и вода окрашивается въ темно-зеленый цвѣтъ; чѣмъ глубже воды, тѣмъ темнѣе этотъ зеленый оттѣнокъ. Водолазы, впервые опустившіеся въ морскую пучину, выносили такое впечатлѣніе, будто освѣщеніе падаетъ только сверху. За исключеніемъ того свѣтового круга, на которомъ сосредоточиваются солнечные лучи, вся остальная поверхность моря пребываетъ темной. Чѣмъ глубже погружаешься въ воду, тѣмъ скорѣе исчезаетъ плѣнительная синева. Сквозь воду красныя животныя кажутся черными; на темномъ фонѣ непрозрачной водяной массы они почти незамѣтны. Пловецъ, погружившійся на глубину десяти метровъ, объять внезапно ночью тьмой. И если онъ, по данному имъ сигналу, всплываетъ на поверхность, протянутый къ лодкѣ, въ которой находятся товарищи, то его глаза испытываютъ сильное раздраженіе подъ впечатлѣніемъ ярко-краснаго цвѣта, въ который будто бы окрашено море и горизонтъ. При облачной погодѣ и

организмы, котрые живутъ въ землѣ или въ подземныхъ пещерахъ.

Что касается воды, то даже при безупречной чистотѣ она не отличается прозрачностью и представляетъ сферу, неблагоприятную для свѣтовыхъ лучей; поэтому, самыя яркіе лучи солнца не проникаютъ на значительную глубину: бѣлые свѣтовые лучи встрѣчаются только вблизи морской поверхности; на большей глубинѣ значительная часть цвѣтныхъ лучей исчезаетъ, до синезеленаго включительно, и наконецъ на извѣстномъ разстояніи отъ поверхности, которое бываетъ гораздо меньше въ озерахъ, нежели въ моряхъ, солнечный свѣтъ и вовсе пропадаетъ.

Часть лучей, падающихъ на морскую поверхность, отражается ею, подобно зеркалу, часть поглощается. Но уже на глубинѣ двухъ метровъ половина всѣхъ красныхъ и одна треть оранжево-желтыхъ лучей меркнетъ. Кому приходилось посѣтить знаменитый гротъ Капри, тотъ, конечно, наблюдалъ, какъ съ морского дна подымается сіяніе зеленовато-синяго свѣта. На глубинѣ ста метровъ бѣлый цвѣтъ исчезаетъ. Точно также и съ другого конца солнечнаго спектра одна за другою пропадаютъ полосы радуги, и вода окрашивается въ темно-зеленый цвѣтъ; чѣмъ глубже воды, тѣмъ темнѣе этотъ зеленый оттѣнокъ. Водолазы, впервые опустившіеся въ морскую пучину, выносили такое впечатлѣніе, будто освѣщеніе падаетъ только сверху. За исключеніемъ того свѣтового круга, на которомъ сосредоточиваются солнечные лучи, вся остальная поверхность моря пребываетъ темной. Чѣмъ глубже погружаешься въ воду, тѣмъ скорѣе исчезаетъ плѣнительная синева. Сквозь воду красныя животныя кажутся черными; на темномъ фонѣ непрозрачной водяной массы они почти незамѣтны. Пловецъ, погружившійся на глубину десяти метровъ, объять внезапно ночью тьмой. И если онъ, по данному имъ сигналу, всплываетъ на поверхность, протянутый къ лодкѣ, въ которой находятся товарищи, то его глаза испытываютъ сильное раздраженіе подъ впечатлѣніемъ ярко-краснаго цвѣта, въ который будто бы окрашено море и горизонтъ. При облачной погодѣ и

ночью, только самыя близкіе къ поверхности моря слои отражаютъ свѣтовые лучи, но и они очень худо проводятъ ихъ. Въ Средиземномъ морѣ, какъ показали спеціальныя фотографическія измѣренія, при совершенной прозрачности воды, солнечные лучи проникаютъ на глубину полукилометра. Наибольшей глубины свѣтъ достигаетъ въ теченіе восьми часовъ въ сутки.

Болѣе благоприятныя условія представляютъ въ этомъ отношеніи экваторіальныя страны, такъ какъ тамъ ослѣпительные лучи солнца падаютъ на морскую поверхность вертикально. Чѣмъ мутнѣе вода, тѣмъ, конечно, слабѣе проявляется въ ней свѣтъ; поэтому, озера хуже освѣщаются, нежели моря, и на ихъ днѣ живутъ слѣпыя животныя, родственныя тѣмъ слѣпышамъ, которые водятся и въ землѣ. Между тѣмъ, въ морѣ на равной глубинѣ такихъ животныхъ организмовъ не встрѣчается. Въ мутныхъ прудахъ и въ рѣкахъ вода непроницаема для взора уже на глубинѣ одного метра; если нырнуть и открыть глаза, то представится лишь темное желто-коричневое поле, которое скрадываетъ всѣ отдѣльные оттѣнки, и даже крупныя предметы; такъ, напримѣръ, ноги и руки пловца возможно замѣтить только путемъ непосредственнаго ошупыванія. Прозрачная си-

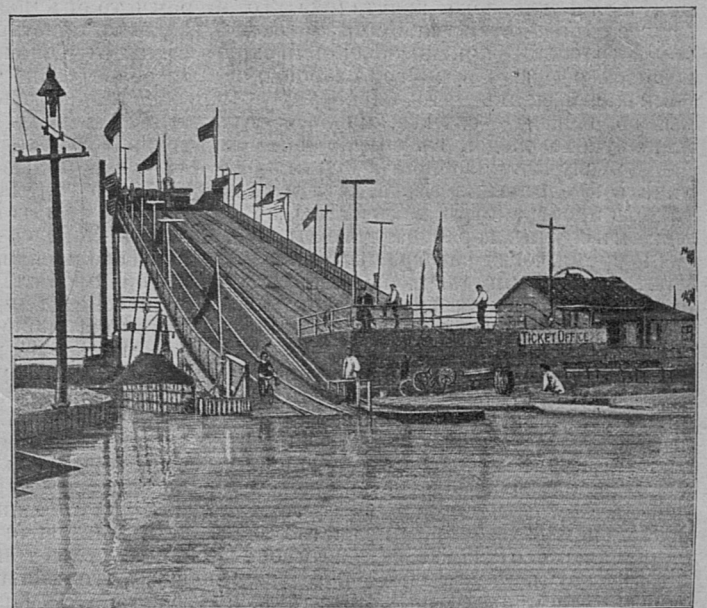


Шляпа для морскихъ кушалій.



Народная шляпа.

нута и открыты глаза, то представится лишь темное желто-коричневое поле, которое скрадываетъ всѣ отдѣльные оттѣнки, и даже крупныя предметы; такъ, напримѣръ, ноги и руки пловца возможно замѣтить только путемъ непосредственнаго ошупыванія. Прозрачная си-



Новый видъ американскаго спорта. Миссъ Лотти Брендонъ съезжаетъ на велосипедѣ въ воду съ высоты 100 метровъ.

нева озеръ и морей кишитъ мириадами такихъ органическихъ и неорганическихъ частицъ, которыя затрудняютъ зрѣніе на пространствѣ нѣсколькихъ сажень, тогда какъ зрѣніе на разстояніи сотенъ и тысячъ метровъ, возможное на сушѣ, здѣсь безусловно немыслимо, отчасти по причинѣ поглощенія лучей водой, отчасти вслѣдствіе разсѣиванія ихъ. Буквы, величиной съ тарелку, начертанныя бѣлой краской, не подаются чтенію днемъ уже на глубинѣ пятнадцати метровъ; десятью метрами глубже, пловецъ можетъ различить лишь очень яркіе предметы. При облачномъ небѣ трудно или даже невозможно замѣтить маленюхихъ морскихъ животныхъ или коралловый рифъ, хотя бы они находились семью-восемью метрами ниже поверхности.

Надо думать, что множество обитателей моря сосредоточивается именно въ верхнихъ слояхъ воды; они кажутся водолазу большимъ непрозрачнымъ облакомъ. Оптическое приспособленіе въ водѣ подчиняется совершенно инымъ законамъ, нежели на сушѣ; неопытному водолазу оно готовитъ тысячи сюрпризовъ. Такъ, ему кажется, напримѣръ, что тотъ, кого онъ долженъ спасти, находится отъ него на разстояніи сотни шаговъ, и тутъ же натѣкается на утопающаго; или, напротивъ, водолазъ видитъ передъ собой искомый предметъ, но долго и тщетно старается его настигнуть, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ, предметъ отъ него значительно отдаленъ. Многія морскія животныя, спасаясь отъ преслѣдованія, удаляются лишь на два-три метра въ сторону, и тѣмъ обезпечиваютъ себя безопасностью. Сѣти, удочки и другія системы рыбной ловли оказались бы совершенно нецѣлесообразны, когда бы зрѣніе на глубинѣ было бы возможно, и рыбы, подобно вольнымъ птицамъ, могли бы издали видѣть угрожающую имъ опасность.

Естественныя испытатели подвергали рыбъ и птицъ параллельнымъ изслѣдованіямъ въ отношеніи ихъ зрительной способности, причемъ выяснилось, что даже такія животныя высшей организаціи, какъ рыбы, проявляютъ въ состояніи покоя близорукость, но не лишены, однако, способности въ отдѣльныхъ случаяхъ приспособляться къ зрѣнію на большемъ пространствѣ; напротивъ, птицы дальноворки и только въ случаѣ необходимости приспособляются къ близкимъ перспективамъ путемъ соотвѣтственнаго перемѣщенія глазного кристаллика. То и другое объясняется условіями существованія и закономъ приспособленія къ окружающей сферѣ. Съ другой стороны, несомнѣненъ фактъ, что близорукии рыбы, во всякомъ случаѣ, превосходятъ близорукихъ людей въ томъ отношеніи, что въ случаѣ надобности умѣютъ различать предметы издали, хотя и не на такомъ пространствѣ, какъ птицы, но, во всякомъ случаѣ, гораздо лучше водолаза. Было время, когда фотографу требовалось по нѣсколькимъ минутъ, чтобы залечатлѣть снимокъ въ объективѣ фотографическаго аппарата. Теперь же чувствительность бромъ-серебряной пластинки такъ велика, что достаточно для фотографированія и десятой части секунды, хотя бы снимаемый предметъ находился въ тѣни. Точно также чувствительность различныхъ животныхъ къ свѣтовымъ ощущеніямъ рѣзко различна по быстротѣ и силѣ воспріятія. Между людьми существуетъ въ зрительномъ отношеніи множество индивидуальныхъ отлѣнковъ: даже у одного и того же субъекта эта способность выражается различнымъ образомъ: такъ, въ молодости мы въ темнотѣ ходимъ гораздо увѣреннѣе, нежели подлѣ старости; сильный свѣтъ ослабляетъ нашу зрительную способность, темнота, напротивъ, усиливаетъ ее. Вотъ почему, войдя

въ умѣренно-освѣщенную комнату съ солнечнаго припека, мы въ первыя минуты рѣшительно ничего не можемъ различить. Многія ночныя животныя гораздо лучше человѣка видятъ въ сумеркахъ, а морскія животныя въ этомъ отношеніи несомнѣнно выше людей.



Изъ жизни гарема.

Гаснадаръ Уста, прелестная фаворитка турецкаго султана, осуждена на изгнаніе! Въ этихъ немногихъ словахъ цѣлая трагедія. Что натолкнуло ее на такой рѣшительный поступокъ, зачѣмъ она хотѣла поджечь покой, смежный со спальней падишаха, и какая судьба постигнетъ изгнанницу—все это, конечно, покрыто непроницаемой завѣсой таинственности. Несчастливая женщина отвезена въ небольшую крѣпость, близъ Медины. Имѣетъ ли ее комендантъ приказаніе учинить строгую и скорую расправу надъ виновной, объ этомъ не знаетъ никто. Конечно, и раньше бывали случаи, когда жены султановъ навлекали на себя гнѣвъ своихъ повелителей; съ ними раздѣлялись быстро и безъ шума: шелковый шнуръ стягивалъ бѣлоснѣжное горло, толстый мѣшокъ скрывалъ прекрасное тѣло, только воды Босфора знали о разгравшейся тяжелой драмѣ. Нынѣ этотъ приемъ судопроизводства еще не забытъ, но по отношенію къ женщинѣ, которая пользовалась огромнымъ вліяніемъ въ Ильдизъ-Кіоскѣ, пришлось соблюсти извѣстный декорумъ.

Жизнь гарема возбуждаетъ издавна любопытство съверянъ. Эти никому недоступныя красавицы рисуются намъ въ какихъ-то волшебныхъ краскахъ, въ обстановкѣ, полной романтизма. Гаремъ, или по-арабски „el harim“, означаетъ въ точномъ переводѣ „запрещенное“, „недоступное“. Доступъ въ женскую половину султанаго или даже частнаго дома обставленъ большими трудностями, либо вообще невозможенъ. И то, что путешественники по востоку разсказываютъ намъ о тайнахъ гарема, по большей части представляетъ чистѣйшій вымыселъ. Даже врачамъ очень рѣдко удается проникнуть въ завѣтные покои Ильдизъ-Кіоска. Вообще турчанки, насколько это возможно, должны обходиться помощью женщинъ-врачей. Но если медику и случается быть приглашеннымъ въ гаремъ, то онъ можетъ осмотрѣть болную лишь въ присутствіи ея мужа или цѣлой толпы служанокъ. Пульсъ прощупывается обязательно черезъ шелковую фату. Лицо пациентки врачъ можетъ видѣть только въ тѣхъ случаяхъ, когда это безусловно необходимо для діагноза.

Первое правдоподобное описаніе султанаго гарема было сдѣлано дочерью герцога Кингстонъ, остроумной леди Маріей-Вортлей-Мунтанъ. Супруга британскаго посланника въ Константинополѣ, она пробыва въ немъ три года. Уже по истеченіи первыхъ двѣнадцати мѣсяцевъ, она выучилась турецкому языку. Ахметъ Третій разрѣшилъ ей посѣтить сераль, и вкорѣ она завязала дружественныя сношенія съ любимицей падишаха—Фатмой. Вслѣдствіи леди Мунтанъ издала мемуары въ формѣ писемъ, въ которыхъ ярко изобразила наиболѣе любопытныя черты изъ жизни мусульманской женщины.

Правовѣрный мусульманинъ тщательно бережетъ три вещи: женщинъ, драгоценности и благовопія. Онъ твердо убѣжденъ, что именно эти три элемента имѣютъ наибольшую склонность къ бѣгству. Въ лучшемъ случаѣ, обитательницы гарема могутъ видѣть, кромѣ мужа, только самыхъ близкихъ родственниковъ. Если произойдетъ такой несчастный случай,

что законная жена или любимая палочница покажется постороннему мужчинѣ съ открытымъ лицомъ, то ея красные дни сочтены. Были примѣры убійства мужьями женъ, открывшихъ свои лица европейцу. Этимъ способомъ мусульманинъ надѣется охранить честь своего дома незапятнанной.

Законы Востока отмѣчены характерной чертой недоувѣрія и къ женщинамъ, и къ женамъ. Конфуцій говоритъ, что сердце женщины можно сравнить съ воскомъ, ея умъ—со ртутью. Коранъ неоднократно предостерегаетъ противъ женскаго лукавства, нити котораго тоньше капри шелковичнаго червя. Калифъ Омаръ считаетъ непрактичнымъ поселить женщину въ домѣ съ балкономъ или посвящать ее въ тайны письменности. Таммудъ также отзывается иногда съ недоувѣріемъ о женщинѣ. Не удивительно, значитъ, что такое недоувѣріе укоренилось въ міросозерцаніи жителей всего Востока.

Хотя мусульманки и ведутъ строго замкнутый образъ жизни, но гарема ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнить съ клѣткой. Его обитательницы образуютъ между собой извѣстнаго рода касту, это налагаетъ на нихъ соотвѣтственные обязанности, но зато и развлекаетъ ихъ своеобразными утѣхами. Жены, дочери, служанки и малолѣтнія дѣти богатаго мусульманина составляютъ самостоятельную общину, жизнь которой не переступаетъ, впрочемъ, порога дома.

Съ высоты минаретовъ, со стройныхъ башенокъ мечетей пять разъ въ день призываетъ благовѣрныхъ къ молитвѣ муэдзинъ. Кажтый можетъ себя устроить собственную моленную. Мусульманская семья встаетъ съ восходомъ солнца. Пока глава ея творитъ усердную молитву и въ то же время совершаетъ омовеніе, женщина ограничивается однимъ умываніемъ, такъ какъ религіозные обряды для нея необязательны. Послѣ ранняго завтрака повелитель гарема отправляется по своимъ дѣламъ. Обѣдаетъ онъ отдѣльно такъ же, какъ и сыновья, которымъ исполнено уже десять лѣтъ. Обыкновенно жены видятъ своихъ мужей только послѣ ужина, т. е. по окончаніи дѣловаго дня.

Въ султанакомъ гаремѣ жены предоставлены весь день самимъ себѣ. Онѣ могутъ посѣщать знакомыхъ и принимать у себя визиты—конечно, женщинъ. Турчанки питаютъ большую слабость къ dolce far niente за чашкой ароматичнаго кофе. „Принцессы лѣнности“—такъ часто зовутъ гаремныхъ дамъ, но это и е всегда такъ. Занятія рукодѣліями, въ которыхъ очень искусны восточныя женщины, отнимаютъ у нихъ добрую часть дня. Шитье, вышиванія, пражка распространены еще и нынѣ среди мусульманокъ даже высшихъ круговъ. Но танцы, музыка и фотографія вмѣстѣ съ живописью уже вытѣсняють эти обычаи доброй старины. Уходъ за дѣтьми также требуетъ не мало времени у матерей, иногда очень юныхъ и неопытныхъ. Боязнь „дурного глаза“ заставляетъ мусульманокъ чуждаться наемныхъ нянекъ. Притомъ же, если собственная рабыня обучитъ въвѣренное ей дитя какимъ-нибудь забавнымъ штукамъ, которая оно сумѣетъ повторить передъ отцомъ, то восхищенный родитель навѣрное влюбитъ въ свою рабыню, хотя бы изъ одного чувства благодарности. Коранъ предписываетъ матерямъ кормленіе дѣтей, какъ особо важную обязанность, и поэтому, каждая мусульманка, будь она женой султана или простаго смертнаго, свято блюдетъ этотъ завѣтъ пророка.

Достоинно вниманія, что родамъ предшествуютъ празднества, длящаяся по цѣлымъ недѣлямъ. Къ большому гарему обыкновенно примыкаетъ обширная зала Декоративная отдѣлка этого веселаго и изящнаго помѣщенія составляетъ пред-

меть особенныхъ заботъ восточныхъ архитекторовъ. Надъ серединой залы красуется куполь; его разноцветныя стекла причудливо затемняютъ солнечный свѣтъ. Богатые рельефные орнаменты съ золотомъ, искусная живопись, чудные ковры оживляютъ стѣны и полы. Въ уютныхъ нишахъ притаились широкіе диваны со спинками, украшенными драгоценной инкрустаціей. Мягкія кресла и триома дополняютъ убранство гаремныхъ комнатъ.

Вотъ тамъ-то и происходятъ торжества, предшествующія появлению ребенка. Въ особомъ ложѣ, устроенной въ первомъ ярусѣ и затянутой тонкой золоченной рѣшеткой, сидятъ пѣвицы и музыкантши. Кларнеты, скрипки, цимбалы и бубны служатъ имъ инструментами. Шумный, хотя и мало мелодичный аккомпанементъ сопровождаетъ пѣсни и танцы „авалимъ“. Такъ называемыя „пляски любви“ исполняютъ особыя танцовщицы. Ихъ движенія часто болѣе граціозны, нежели ритмичны. Онѣ сладострастно извиваются въсѣмъ тѣломъ и потираютъ руками, на которыхъ со звономъ бряцаютъ широкіе браслеты. Танецъ свой онѣ оживляютъ щелканіемъ кастаньетъ Гаремныя дамы, собравшіяся въ залѣ вмѣстѣ со своими гостями, наслаждаются отъ души этими невинными забавами. Возлека на мягкихъ подушкахъ и коврахъ, онѣ затаиваются ароматичными струями табаку изъ чубуковъ или попыхиваютъ сигаретками, жуютъ сладости, которыми ихъ обносятъ служанки, и болтаютъ...

Если родильница благополучно разрѣшилась отъ бремени, въ особенностях, если новый гражданинъ міра мужского пола—празднества возобновляются съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ. Согласно старинному обычаю, новорожденный не долженъ быть показанъ отцу въ теченіе первыхъ семи дней своей жизни. На восьмой, подъ оглушительные звуки музыки, его обносятъ вокругъ всего дома и при этомъ подвергаютъ сильной тряскѣ, чтобы „страхъ жизни“ изъ него бы весь вышелъ. Счастливыи отецъ, въ свою очередь, зоветъ гостей и радушно подчуетъ ихъ яствами, напитками и музыкой.

Обрядъ наименованія ребенка очень простъ и въ тоже время своеобразенъ. Новорожденнаго приносятъ къ колыбели. Священнослужитель вкладываетъ младенцу въ ротъ нѣсколько кусочковъ леденца и даетъ ему желательное родителямъ имя. Обыкновенно мусульманскія имена складываются изъ имени отца или матери и одного случайнаго. Такъ, дѣвочки часто называютъ Дзоила—маленькое огорченіе.

Сватовство составляетъ любимое занятіе взрослыхъ мусульманокъ. Едва только дѣвочка сброситъ свои дѣтскія туфли, заботливыя кумушки уже подыскиваютъ ей жениха. Впрочемъ, и мужчины вступаютъ въ бракъ въ очень раннемъ возрастѣ въ виду того, что пророкъ объявилъ холостяковъ и старыхъ дѣвъ достойными всяческаго презрѣнія. Брачный, или кебинный актъ заключается у мусульманъ, какъ извѣстно, прежде, чѣмъ будущіе супруги успѣваютъ хоть разокъ взглянуть другъ на друга. При совершеніи брачнаго контракта женихъ или его уполномоченный находятся въ одной комнатѣ съ родственниками невесты и муллою, а невеста сидитъ въ сосѣдней комнатѣ въ кругу своихъ родственницъ и сквозь запертыя двери даетъ отвѣты на установленные ритуаломъ вопросы. Новобрачная должна затѣмъ просидѣть нѣсколько часовъ подѣ богато расшитымъ балдахиномъ и покорно выносить назойливое любопытство гостей. По окончаніи всѣхъ празднествъ молодой можетъ увидѣть супругу и ввести ее, наконецъ, въ свой домъ.

Вообще мусульманкѣ живется не слиш-

комъ тяжело въ бракѣ. Съ ней обращаются очень внимательно, и въ своемъ маленькомъ царствѣ она неограниченая повелительница. Мусульманинъ никогда не подыметъ руки на женщину, такъ какъ въ коранѣ сказано: „не ударь женщину“. Мусульманскіе законы, повидимому, предусматривали все, что можетъ такъ или иначе обезпечить долговѣчность брака. Мусульманинъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ заботиться не только о матеріальномъ благосостояніи своей семьи, но еще и о поддержаніи любовныхъ супружескихъ отношеній, чтобы жена не могла жаловаться на холодность къ ней мужа. Согласно пророческимъ Анши, любимой подруги многоженца-пророка, мужъ, подарившій жену простой лаской, заслужитъ этимъ у Бога десять милостей, за крѣпкое объятіе—двадцать, а за горячій поцѣлуй—тридцать.

Но не всегда царствуетъ въ гаремахъ благодушное настроеніе, не всегда тамъ слышатся пѣсни и пляски. Какъ и вездѣ на свѣтѣ, въ гаремахъ бушуютъ страсти и ведутся коварныя интриги. Ненависть и ревность способны превратить всегда апатичную турчанку въ мегеру, которая, въ случаѣ надобности, не остановится ни передъ ядомъ, ни передъ кинжаломъ. Иногда въ затишья гаремовъ разыгрываются тяжкія драмы; онѣ, однако, очень рѣдко разглашаются. Евнухи почти никогда не измѣняютъ своему господину. По большей части, покорныя рабыни становятся преступнымъ орудіемъ въ рукахъ мстительной женщины.



Животныя-алкоголики.

Давно уже извѣстенъ фактъ, что среди звѣрей, какъ и между людьми, распространена страсть къ спиртуозамъ. Во Франціи возникалъ даже вопросъ о томъ, чтобы общества покровительства животнымъ присоединились бы къ обществамъ трезвости и приняли дружныя мѣры къ охраненію животныхъ отъ этой губительной привычки. Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что соприсношеніе четвероногихъ съ европейской культурой находится въ прямой пропорціи съ усиленіемъ среди нихъ алкоголизма. Англичанинъ Вельсъ, посвятившій цѣлое сочиненіе этому интересному вопросу, высказалъ даже предположеніе, что алкоголизмъ можетъ явиться причиной совершеннаго вырожденія извѣстныхъ породъ. По наблюденіямъ Вельса, слоны, медвѣди, лошади, собаки и другія животныя высшихъ организацій отличаются какимъ-то врожденнымъ влеченіемъ къ алкоголю. Медвѣди и обезьяны пьютъ пиво не хуже нѣмецкихъ студентовъ; не прочь, однако, они угостить себя и водкой.

Содержатели звѣринцевъ и смотрители зоологическихъ садовъ не разъ уже замѣчали, что слоны никогда не упускаютъ случая испробовать того или иного хмѣльнаго напитка. Иныя изъ этихъ разумныхъ четвероногихъ притворялись больными, чтобы получить спиртные напитки въ качествѣ лекарства. Африканскимъ туземцамъ хорошо знакома страсть обезьянъ къ спиртуозамъ; они пользуются ею, чтобы заманить обезьянъ въ свои сѣти: съ этой цѣлью на опушкѣ лѣса выставляютъ бочку съ пивомъ или другой одуряющей жидкостью и ждутъ, пока желтые прыгуны, привлеченные заманчивымъ запахомъ, не нагрянутъ со всѣхъ сторонъ и не напьются до такой степени, что не смогутъ уже различить своихъ родичей отъ негровъ охотниковъ. Послѣднимъ остается лишь взять любую обезьяну и повести ее въ деревню: тотчасъ же остальные пья-

ницы, въ силу врожденной обезьянамъ привычки подражанія, цѣпляются одна за другую, и гуськомъ тянутся къ деревнѣ.—Ручные попугаи также проявляютъ наклонность къ алкоголизму. Подѣ вліяніемъ спиртныхъ паровъ они продѣлываютъ самыя уморительныя штуки, и потому-то прислуга имѣетъ обыкновеніе потѣшаться надъ глупыми птицами, напивая ихъ водкой. Французскіе естествоиспытатели Мэро и Комденаль въ свое время докладывали академіи наукъ о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ ими надъ собаками, причѣмъ выяснилось, что собаки-алкоголисты обоюдо пола равно подвержены вырожденію, но признаки вырожденія проявляются гораздо явственнѣе во второмъ поколѣніи, нежели въ первомъ. Англійскій ученый Тутъ дѣлалъ опыты въ томъ же направленіи надъ двѣнадцатью бабочками мужского и двѣнадцатью женскаго пола; послѣднія проявили замѣчательную сдержанность къ алкоголю, тогда какъ первыя съ жадностью на него набрасывались и скоро пьянѣли до безчувствія.

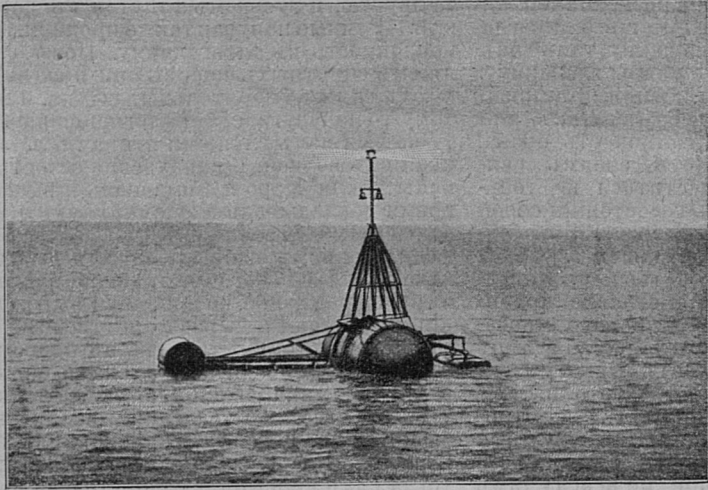
Если сообщенія Вельса заслуживаютъ довѣрія, то большинство лошадей, работающихъ на нью-йоркскихъ пивоварняхъ, принадлежатъ къ числу заправскихъ пьяницъ; иныя изъ нихъ околѣваютъ въ бѣлой горячкѣ. Обычнымъ лошадинымъ кормомъ служитъ солодъ, и надо думать, что въ этомъ заключается первоисточникъ болѣзненной склонности лошадей къ спиртуозамъ.



БУДДИЗМЪ СРЕДИ ПИВОВЪ

Въ одномъ изъ американскихъ журналовъ приводятся любопытныя данныя въ подтвержденіе того, что въ Америкѣ, приблизительно за тысячу лѣтъ до Христофора Колумба, китайцы проповѣдывали ученіе Будды. Въ древней китайской литературѣ можно найти не мало указаній на Америку: желтая раса съ удивительною точностью опредѣляла разстояніе, отдѣляющее Китай отъ Новаго Свѣта, или по-китайски „фузангъ“. Китайцы рассказываютъ, что по ту сторону „фузанга“ существуетъ большое море (то есть Атлантический океанъ); обозначаютъ протяженіе съ Запада на Востокъ, ихъ обозначеніе совпадаетъ съ размѣрами Мексики. Затѣмъ упоминается о путешествіи буддійскаго священника Гуи-Сена, который происходилъ изъ Кабула и въ 499 г. посѣтилъ Америку. Гуи-Сенъ удостовѣрился, что съ 458 года въ Америкѣ господствовало буддистское вѣруженіе, распространенное четырьмя миссіонерами, прибывшими еще до него изъ Кабула. Все то государственное устройство, которое было найдено испанцами въ Мексикѣ и Перу, поразительно напоминаетъ строй азіатскихъ государствъ въ первые вѣка буддизма. Архитектура, система календаря, скульптура, формы правленія, свадебныя и похоронныя обряды и наконецъ организація духовенства и его одежды—все говоритъ объ этомъ сходствѣ. Но болѣе удивительнымъ кажется рѣдкое единство въ мировоззрѣніи двухъ народовъ: инки такъ же, какъ и буддисты древнихъ временъ, питали глубокую ненависть къ военному ремеслу и въ этомъ отношеніи представляли любопытный контрастъ съ краснокожими племенами Мексики и Перу. Такой же интересъ представляетъ сравнительное изученіе личныхъ и географическихъ именъ: Гватемала, на примѣръ, и Гватемозимъ, имя верховнаго жреца и царя, совпадаютъ съ Гаутама—личнымъ именемъ Будды, а Закапетецъ, Закатанъ, Закатетасъ напоминаетъ Сакія, — династическое имя Будды.





Электрической буй.

Еще недавно на страницах „Огонька“ мы познакомили наших читателей съ новымъ изобрѣтеніемъ, которое сводится къ тому, что сила морского прибора эксплоатируется для развитія электрической энергіи. Мы описывали также буй, устроенный по новому образцу. Напомнимъ только, что при каждомъ подниманіи этого буя на волнахъ электрическія лампочки вспыхиваютъ яркимъ, далеко видимымъ огнемъ, и слѣдовательно, могутъ предупредить уже издалека корабль о грозящей ему опасности, даже въ туманную погоду.



Новое устройство вагонныхъ оконъ.

Неоднократно уже указывалось на то, что желѣзнодорожныя катастрофы часто влекутъ за собою человѣческія жертвы единственно благодаря нерациональному устройству выходовъ изъ вагоновъ. Обыкновенно въ нашихъ вагонахъ есть только одинъ общій выходъ изъ коридора въ одну дверь, тогда какъ вторая заперта во избѣжаніе перехода пассажировъ изъ вагона въ вагонъ во время движенія. Слѣдовательно, если вагонъ опрокинется такъ, что пройти въ дверь станетъ невозможнымъ,—пассажиры окажутся заключенными въ тѣсной желѣзной клѣткѣ. Что касается оконъ, то и они, какъ извѣстно, опускаются не до самой рамы,



а только наполовину; значитъ и черезъ окно спастись нельзя. Въ настоящее время предполагается ввести новый типъ вагонныхъ оконъ: онъ наглядно показанъ на нашемъ рисункѣ. Помимо того, что

трудоваго крохи все еще копятея въ чулокъ.



окно растворяется настежь внутрь, подобно комнатному, къ наружной стѣнкѣ вагона придѣланы ступеньки, а деревянныя рамки стору замѣнены откидными желѣзными. Въ случаѣ надобности, пассажиръ, пользуясь тѣмъ и другимъ, можетъ счастливо избѣгнуть катастрофы.



Психея.

(Къ рис. на стр. 233).

Легенда о Психеѣ—одинъ изъ самыхъ граціозныхъ мифовъ древности. Воспѣтая Апулеемъ, Психея въ теченіе многихъ вѣковъ была излюбленной темой для поэтовъ и источникомъ вдохновенія для художниковъ кисти и рѣзца. Психея почитается олицетвореніемъ идеальной любви. Обыкновенно ее изображаютъ молодой женщиной съ крыльями бабочки. Такова она на знаменитой картинѣ Жарара, такова же и на полотнѣ Э. Режъ, съ котораго мы даемъ сегодня снимокъ.



Автомобильное отдѣленіе банка.

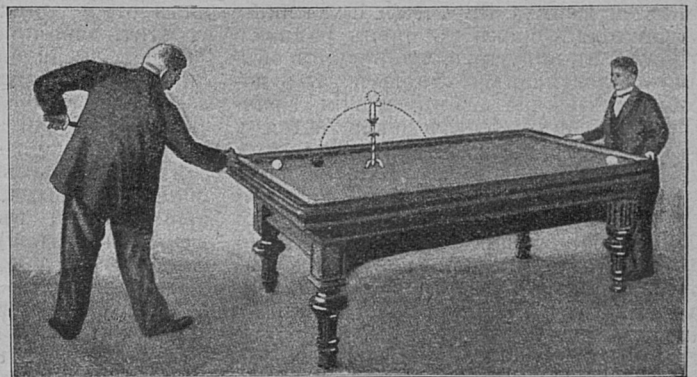
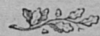
Когда гора не идетъ къ пророку, то пророкъ долженъ пойти къ горѣ. Исходя изъ этого положенія, городское управленіе Мезьера (во Франціи, въ департаментѣ Ардентъ) учредило недавно сберегательную кассу, пожалуй единственную въ своемъ родѣ. Два раза въ мѣсяцъ нѣсколько чиновниковъ, уполномоченныхъ городомъ, объѣзжаютъ деревни, расположенныя не дальше тридцати километровъ отъ Мезьера, и предлагаютъ трудолюбивымъ земледѣльцамъ отдать на сохраненіе трудовыя деньги, чтобы, такимъ образомъ, извлечь законный барышъ изъ своихъ скромныхъ сбереженій. Это оригинальное учрежденіе встрѣчается повсюду сочувствіе, тѣмъ болѣе, что крестьяне слишкомъ занятой народъ, чтобы тратить цѣлые дни на поѣздку въ городъ. Гдѣ нѣтъ автомобильныхъ кассъ, тамъ, по обычаю доброй старины

Колонны для подачи первоначальной врачебной помощи.

На улицахъ большихъ городовъ сплошь и рядомъ имѣютъ мѣсто несчастные случаи, которые влекутъ за собою пораненіе, а иногда даже смерть горожанъ. Последнее нѣрѣдко зависитъ отъ того, что нѣтъ



возможности своевременно подать первую помощь пострадавшему. Нашъ рисунокъ изображаетъ вновь поставленныя на улицахъ Парижа колонны, въ которыхъ заключаются всякаго рода перевязочныя, укрѣпительныя и возбуждающія средства. Ключъ отъ витрины находится тутъ же подъ стекломъ. Въ случаѣ надобности полицейскій чиновникъ или другое свѣдущее лицо всегда можетъ разбить это стекло и достать изъ витрины все необходимое ему для приведенія въ чувство или для перевязки потерпѣвшаго.



Высшая биллиардная техника.
Профессоръ биллиардной игры Робертъ де-Бремонтъ гаситъ свѣчу карамбелемъ.